

ПРАВИЛА СЕВЕРА • КНИГА ВТОРАЯ

СИХИРТЯ

У опасного нет имени

НИКОЛАЙ ПОЛЯРНЫЙ

18+

Николай Полярный

Сихиртя

<https://litres.ru/74680567>

SelfPub; 2026

Аннотация

Полевой лингвист Марина Лыкова приехала на Ямал записать последних носителей говора. Работа понятная: вытянуть слово, уточнить произношение, зафиксировать навсегда.

Здесь у опасного нет имени.

Волка называют «гуляющий на улице». Медведя — «лесной дедушка». И есть десяток слов, которые старик Нядма при ней не произносит, а почему — не объясняет.

Правила в стойбище простые.

Не говори, пока не спросишь разрешения. Не благодари словом. Не выходи из чума в туман. И главное: не записывай сказанное, потому что записанное остаётся сказанным навсегда.

Первое запретное слово Марина получает обманом. Той же ночью к стойбищу приходит то, что оно называет.

А потом она садится расшифровывать свои записи и слышит на них слова, которых при записи не звучало.

Последнее слово, которое она так и не записала, — то, каким они называют себя сами.

Промысловый быт, язык, обычаи и предания ненцев в книге подлинные. Выдумано всё остальное

Вторая книга цикла «Правила Севера». Читается отдельно от первой

Содержание

Глава 1. Ненэй вада	5
Глава 2. Линия	13
Глава 3. Словарь	19
Глава 4. Туман	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Полярный

Сихиртя

Глава 1. Ненэй вада

Из полевого дневника М. В. Лыковой. Ямало-Ненецкий автономный округ, Тазовский район. 14 сентября.

Я записываю это на бумаге, и в том, что на бумаге, уже есть нарушение. Но об этом позже.

Сначала по порядку.

Нас выбросили с вертолётa в одиннадцать утра четырнадцатого сентября, в сорока километрах от ближайшего посёлка, и вертолёт ушёл обратно, и стало тихо так, как в городе не бывает никогда.

Я десять лет в поле. Я работала в Карелии, в Коми, два сезона на Таймыре. Я знаю, что первые полчаса после того, как уходит транспорт, самые неприятные: пока ты не начал работать, тундра просто лежит вокруг и смотрит.

— Красота-то какая, — сказал Костя.

Он стоял рядом с грудой наших ящиков, в новой оранжевой куртке, и снимал панораму на телефон.

Костя — техник экспедиции, двадцать восемь лет, шесть выездов, отличный специалист по звуку. Он отвечает за аппаратуру, за генератор, за снегоход и за то, чтобы наши за-

писи не погибли. У него золотые руки и совершенно городская голова, и в этом нет ничего плохого: у меня она тоже городская.

Была.

Стойбище стояло в двух километрах, у ручья: три чума, загон, нарты, собаки.

Мы дошли за сорок минут, волоча часть груза, и собаки учуяли нас задолго — я слышала лай, когда мы ещё не видели чумов.

Нас встретили.

Из крайнего чума вышел пожилой мужчина в малице, невысокий, широкий, с лицом, выдубленным до тёмного. За ним женщина лет двадцати пяти в ягушке. Потом двое детей.

Мужчина остановился в десяти шагах и стал смотреть.

Я знаю, как это работает, и у меня был готовый сценарий: подойти, представиться, объяснить цель, предъявить письмо из института и разрешение окружной администрации. Так я делала шесть раз.

Я подошла и сказала:

— Здравствуйте. Меня зовут Марина Викторовна, я из института языкознания. Мы приехали работать с ненецким языком, у нас есть разрешение и письмо, я могу показать. Вы Нядма Хатанзеев?

Он молчал.

Я ждала. Пауза затягивалась, и Костя у меня за спиной переступил с ноги на ногу.

Потом старик сказал — не мне, а куда-то в сторону, вполголоса:

— Вадами тая.

Женщина в ягушке ответила:

— Вадет.

И только после этого он повернулся ко мне и сказал по-русски:

— Хатанзеев. Чаю будете.

Я записала эту сцену в тот же вечер, потому что она меня зацепила профессионально.

Вадами тая — буквально «моё слово есть», «у меня есть слово». *Вадет* — повелительное от «говорить»: «говори».

Я знала эту формулу по литературе. У ненцев она описана: прежде чем начать речь, человек заявляет, что у него есть слово, и ждёт разрешения.

Чего я не знала — что она живая.

В литературе такие вещи обычно помечены как «устаревшее» или «в старшем поколении, в торжественных ситуациях». А он произнёс её буднично, посреди двора, перед тем как сказать чужому человеку четыре слова про чай.

Я тогда обрадовалась. Я подумала: материал будет богатый.

Чум внутри оказался больше, чем кажется снаружи.

Я бывала в чумах, но каждый раз удивляюсь заново: снаружи это конус из шестов, обтянутый нюками, а внутри — комната метров двадцати, тёплая, тёмная, с печкой посере-

дине и с полосой света из дымового отверстия.

Пол застелен досками и шкурами. Вдоль стен спальные места.

Прямо от печки к задней стенке идёт шест. Он стоит отдельно от других, и возле него — место, где лежат вещи, которых никто не трогает.

Это симзы, священный шест. Я знала и про него.

Женщину звали Ната, она невестка Нядмы. Она налила нам чаю в эмалированные кружки и села напротив.

Мы молчали.

Я выждала, сколько положено по этикету, — я читала про это тоже: гость не начинает с дела, сначала чай, — и когда выпила половину, спросила:

— Нядма Хатанзеев, можно я объясню, зачем мы приехали?

Он посмотрел на меня.

Потом перевёл глаза на мою кружку.

Я не поняла. Я повторила вопрос, уже тревожась, не обидела ли чем. Старик отвернулся и стал смотреть в огонь, и мне стало ясно, что разговор не состоялся, и что я чего-то не сделала.

Ната сказала тихо:

— Чашку.

— Что?

— Допей и переверни.

Я допила и перевернула кружку вверх дном.

Нядма повернулся ко мне и сказал:

— Говори.

Я объяснила.

Я говорила минут десять, стараясь без академизма: что язык уходит, что носителей тундрового диалекта осталось мало, что молодёжь переходит на русский, что через два поколения от говора останутся словари, и словари будут плохие, потому что их составляли по городским информантам.

Что наша задача — записать живую речь, пока она есть. Разговоры, рассказы, названия вещей и работ. Что потом это ляжет в архив и в корпус, и по этим записям дети и внуки смогут узнать, как говорили их деды.

Я верю в то, что говорю. Я делаю это десять лет и считаю это важным.

Старик слушал, не перебивая.

Когда я закончила, он спросил:

— Записывать будешь?

— Да. На диктофон, а потом расшифровывать. Если вы разрешите.

— А если не разрешу?

— Тогда не буду, — сказала я. — Без согласия мы не пишем, это правило.

Он кивнул.

— Правило — это хорошо, — сказал Нядма. — Пиши. Только я тебе скажу, чего писать не надо.

— Хорошо.

— Я скажу — а ты запомни, — сказал он. — Запомнить можно. Записывать не надо.

Он сказал фразу, которую я потом перечитывала в дневнике раз двести.

Запомнить можно. Записывать не надо.

В ту минуту я услышала в ней обычное: старик стесняется сакрального, не хочет, чтобы тайное ушло чужим. Это нормально, с этим работают, через это проходят в любой экспедиции.

Я сказала:

— Конечно. Всё, что вы скажете не записывать, не попадёт в архив.

И соврала.

Не со зла и даже не нарочно — я соврала профессионально. Потому что знала, как это бывает: сначала информант запрещает, потом привыкает, потом сам приносит тебе то, что запрещал. Главное — не давить и ждать.

Я приехала на шесть недель. У меня было время ждать.

Вечером мы поставили свою палатку в ста метрах от стойбища, и Костя налаживал аппаратуру, а я разбирала записи первого дня.

Записей было немного: бытовые фразы, пара названий, ничего ценного.

Одно я выписала отдельно, в рамке.

Я спросила Нату, как по-ненецки называется ненецкий язык.

Она сказала:

— Ненэй вада.

Я переспросила по слогам и записала транскрипцию. Потом уточнила перевод, потому что знала его приблизительно.

— Это значит «настоящее слово», — сказала Ната. — Или настоящая речь. Как правильно по-русски, я не знаю.

Настоящее слово.

Я сидела в палатке, при фонаре, и смотрела на эту строчку в полевом дневнике, и мне было хорошо, как бывает в первый день удачной экспедиции, когда материал сам идёт в руки.

Язык, который называет себя настоящим словом.

Знала бы я тогда, насколько это буквально.

Ночью Костя разбудил меня и сказал:

— Марин. Там у них кто-то ходит.

Я вылезла.

Было темно, холодно, градуса три, и над тундрой стояла полная луна, и при луне всё видно далеко.

У стойбища никого не было.

Собаки не лаяли. Вообще. Четыре собаки, которые днём облаивали каждую нашу тень, лежали у чумов и молчали.

А метрах в двухстах, за ручьём, по склону шло что-то низкое.

Я видела его секунды три: тёмный силуэт, ниже человека, двигался ровно, не торопясь, вдоль склона, и шёл он не как зверь — зверь идёт волнообразно, а это шло плавно, как едет

что-то на колёсах.

Потом оно ушло за перегиб.

— Волк? — сказал Костя.

Я не ответила.

Утром я спросила Нядму, ходят ли тут волки.

Старик пил чай. Он поставил кружку, посмотрел на меня и сказал:

— Ты это слово при мне больше не говори.

Глава 2. Линия

15 сентября.

Про слово «волк» я получила объяснение не от Нядмы, а от Наты, и не сразу, а через два дня, и объяснение оказалось лингвистическим.

Привожу, как записала.

В ненецком волка называют иносказательно. «Гуляющий на улице». «Длиннохвостый». Иногда *нылека*— это слово вообще-то значит «злой дух», и им пользуются как заменой. А иногда просто переходят на русское «волк», потому что чужое слово не считается.

С медведем то же самое. «Лесной дедушка», «лесной хозяин», «чёрненький». Белый медведь — «беленький».

Я слышала про такие табу и раньше, у разных народов, и всегда воспринимала их как явление языка: эвфемизм, замена, смещение. Так же, как русские не говорят «умер», а говорят «ушёл».

— Нельзя называть, — сказала Ната. — Он услышит.

— Кто?

— Тот, кого зовёшь.

Я записала это с пометкой: *табуированная лексика, мотивировка — боязнь привлечь названное*. Нормальная формулировка для статьи.

Второй день ушёл на быт.

Я его описываю, потому что без быта не будет понятно, как там всё устроено и почему человек нарушает правила, даже когда их знает.

Чум. Жилое пространство круглое, и в нём есть невидимая геометрия, которую надо знать телом.

От печки к задней стене идёт симзы — священный шест. От него к выходу, по правую сторону, тянется линия, которую женщина пересекать не должна. То есть ходить вдоль одной стороны можно, вдоль другой нельзя, и перейти с места на место надо, обогнув очаг с нужной стороны.

Я узнала об этом, когда прошла неправильно.

Ната не сказала ни слова. Она просто встала, взяла меня за рукав и провела назад, тем же путём, и потом вывела заново, правильно, и отпустила.

Такое запоминается лучше любой инструкции.

Что ещё нельзя женщине. Перешагивать через вещи, особенно через оленью упряжь, мужские и детские вещи, через хорей. Нельзя трогать священную нарту. Женские вещи возят отдельно.

Я спросила, не обидно ли ей это. Ната удивилась.

— А что обидного? — сказала она. — Мужчина тоже через моё не ходит.

Про чай и разговор.

Правило с перевёрнутой чашкой оказалось целой системой.

Чашку переворачивают, когда напились. Пока не перевер-

нул — тебе наливают. Количество выпитых чашек означает настроение: две-три — значит, гостю плохо, значит, что-то не так. Девять-десять — всё хорошо.

Я в первый вечер выпила полторы.

Нядма потом спросил у Кости, не обиделись ли мы на что-нибудь.

Теперь я пью по восемь, и меня от этого чая трясёт, и я считаю это рабочими издержками.

Про благодарность.

Я сказала Нате «спасибо» за еду.

Она посмотрела так, что я поняла: опять.

Вечером я выяснила у Нядмы. Он объяснил без обиды, обстоятельно:

— Спасибо — это слово. На слово хлеба не купишь.

— А как надо?

— А надо отдать, — сказал он. — Не сразу. Потом. Когда у тебя будет, а у меня не будет.

Я записала: *благодарность вербальная не принята; реципрокность отложенная.*

И ниже, уже не по-научному: «Слово тут не считается платой. Слово тут — это долг, который взял».

В тот же день я впервые наткнулась на отказ.

Мы работали со списком: я показываю предмет или называю по-русски, информант даёт ненецкое слово, я записываю транскрипцию, потом прошу произнести отдельно, в микрофон, медленно.

Это рутина. За день делаешь двести-триста единиц.

Мы дошли до раздела «природные объекты». Сопка, ручей, озеро, болото, овраг.

Я спросила:

— А вон та сопка, за ручьём, как называется?

Нядма посмотрел туда, куда я показала.

И сказал:

— У неё нет названия.

— Совсем? А как вы её между собой называете?

— Никак.

Я сделала то, что делает любой полевик: зашла с другой стороны.

— А если надо объяснить, куда пошёл? Вот вы говорите сыну: я пойду туда. Как вы скажете?

Старик ответил не сразу.

— Скажу: за ручей, — сказал он. — Он поймёт.

Он смотрел не на меня.

Сопка была обычная: невысокий холм, метров двадцать, поросший ягелем, с сырым распадком сбоку. Единственное, что в ней было примечательного, — из склона торчала какая-то кость.

Я видела её с нашей палатки в бинокль: что-то длинное, изогнутое, серо-жёлтое, торчащее из мерзлоты метра на полтора.

Потом я узнала, что это такое, но это было потом.

Вечером Костя сказал:

— Слушай, а чего они на ту горку не ходят?

— В смысле?

— Да я смотрю: они по всей округе ходят, и за ручей ходят, и за ручьём дальше. А эту горку обходят. По дуге. Я два дня смотрю.

Он пожал плечами.

— Может, болото там.

— Может, — сказала я.

Фрагмент расшифровки. Запись 15.09, 19:42. Информант: Хатанзеев Н. Х., 1957 г. р. Записано с согласия.

М. Л.: Скажите, пожалуйста, как будет «туман»?

Н. Х.: Нэхэ.

М. Л.: Ещё раз, в микрофон, медленно.

Н. Х.: Нэ-хэ.

М. Л.: Спасибо. А густой туман? Есть отдельное слово?

Н. Х.: Есть.

М. Л.: Какое?

[пауза 11 секунд]

Н. Х.: Нет.

М. Л.: Вы сказали, есть.

Н. Х.: Есть. Говорить не буду.

М. Л.: Можно спросить почему?

Н. Х.: Нельзя.

М. Л.: Спросить нельзя или сказать нельзя?

[пауза 6 секунд]

Н. Х.: Ты хорошая. Ты не понимаешь, а хорошая. Выклю-

чи.

[конец записи]

Я выключила.

И в тот же вечер записала в дневник список: слова, которые он не произносит.

На пятнадцатое сентября их было четыре.

Волк (прямое название).

Густой туман.

Название сопки за ручьём.

Как называется то, что в ней.

Четвёртого пункта он мне не говорил. Я его вывела сама — из того, как он посмотрел на сопку, когда я спросила.

Это, кстати, и есть профессиональная деформация: лингвист не может оставить пустую клетку в таблице. Если в парадигме не хватает формы, он будет её искать, пока не найдёт, потому что пустых клеток в языке не бывает.

Я смотрела на свой список и чувствовала то, чего не чувствовала с аспирантуры.

Азарт.

Глава 3. Словарь

18–22 сентября.

Четыре дня работа шла прекрасно, и это нужно сказать, иначе непонятно, почему я не уехала, когда ещё могла.

Материал пошёл валом.

Нядма оказался идеальным информантом: память как картотека, слух на различия, терпение. Он мог повторить слово двадцать раз, если я просила, и не раздражался. Он сам поправлял меня, когда я записывала неточно, и однажды полчаса объяснял разницу между двумя способами сказать «идти по насту», которая зависит от того, проваливается наст или нет.

За четыре дня я собрала около тысячи двухсот единиц.

Это очень много. Это больше, чем я собирала за весь сезон на Таймыре.

Ната рассказывала бытовое: как ставят чум, как выделывают шкуру, как лечат оленя. Дети — считалки и названия игр. Старший сын Нядмы, Пэтко, приехал с дальнего стада и дал мне терминологию выпаса, в которой я тонула, потому что для оленя там около сорока названий по возрасту, полу и повадкам.

Я работала по четырнадцать часов. Костя писал звук, я расшифровывала. По вечерам я сидела в палатке с ноутбуком от генератора и заполняла таблицу, и таблица росла, и

это было счастье.

Я с тех пор несколько раз думала: он ведь мне не мешал. Он мне дал собрать всё.

Система иносказаний открылась постепенно, и я поняла её масштаб только на четвёртый день.

Это не десяток слов. Это целый слой языка.

Вот что я выписала на двадцать второе сентября.

Зверь. Волк, медведь — иносказательно всегда. Росомаха — «тот, кто портит». Про песца говорят прямо, он не опасен.

Болезнь. Названий болезней почти нет. Говорят описательно: «его взяло», «он лежит», «у него внутри сидит».

Смерть. Не «умер», а «ушёл», «его не стало», «он отко-
чевал».

Покойник. Имя не произносят вслух год, иногда дольше. Если нужно упомянуть — «тот, кто был до».

Места. Есть точки на карте, у которых нет названий. Их описывают: «где ручей поворачивает», «за второй сопкой».

Дух, хозяин места. Тоже описательно. Никогда прямо.

Я сидела над этим списком и видела закономерность, от которой мне сделалось не по себе чисто профессионально.

Чем опаснее предмет, тем длиннее его обозначение.

Безопасное называется одним коротким словом. Опасное — описательной конструкцией из двух-трёх. А самое опасное не называется вообще: про него говорят так, чтобы собеседник понял, не называя.

Язык устроен как система предохранителей.

И в середине этой системы была дыра: четыре-пять мест, где слово явно существовало, но не произносилось.

Двадцать второго я задала Нядме прямой вопрос.

Мы сидели у чума, он чинил упряжь. Я спросила — по-русски, без диктофона, как спрашивают в перерыве:

— Нядма Хатанзеев. Я не прошу говорить. Я спрошу иначе. Эти слова — они существуют?

Он не поднял головы.

— Существуют, — сказал он.

— Вы их знаете?

— Знаю.

— Их знает ещё кто-нибудь?

Он подумал.

— Старуха в Гыде знала, — сказал он. — Умерла зимой. Брат знал, его не стало.

Он затянул ремень.

— Теперь я один, наверное.

Я молчала, потому что внутри у меня в эту секунду происходило то, что я не могу оправдать и чего не буду скрывать.

Я подумала: если он умрёт, слова исчезнут навсегда.

Я подумала: я последний человек, который может их сохранить.

Вот так это и выглядит изнутри. Не жадность и не глупость. Благородное, тёплое, абсолютно профессиональное чувство ответственности перед наукой и перед будущими поколениями.

— А если вы их не скажете, — проговорила я, — они пропадут.

Нядма наконец посмотрел на меня.

— Ну и пусть пропадут, — сказал он.

Я потом много раз возвращалась к этому разговору.

Для меня слово — это единица, носитель значения, часть системы. Утрата слова — утрата знания, обеднение, провал в корпусе.

Для него слово — это способ позвать.

Мы говорили на разных языках, и смешно, что из нас двоих лингвистом была я.

Вечером Костя принёс мне ноутбук.

— Слушай, я тут поковырялся. Ты глянь.

Он показал мне спектрограмму последней дневной записи.

— Вот тут, — он ткнул курсором. — Видишь полосу?

Я видела. На записи, где Нядма медленно произносил названия деталей упряжи, внизу спектра шла ровная линия — низкочастотная, монотонная, почти на границе слышимого.

— Это что?

— Хрен знает, — сказал Костя. — Я думал, генератор наводит. Но генератор мы на той записи не включали, я по времени сверил.

— Ветер?

— Ветра не было.

Он отмотал на другой файл.

— И вот тут то же самое. И вот тут.

— На всех?

— Нет, — сказал Костя. — Я проверил восемнадцать файлов. Полоса на пяти.

Он посмотрел на меня.

— На тех, где он про сопку говорил, — сказал он. — И где отказывался.

Я не придавала этому значения.

Я помню, что именно я подумала. Я подумала: аппаратная наводка, или переотражение от склона, или инфразвук от ветра в распадке. Это объяснимые вещи, и если бы я тогда отправила файл акустикам в институт, мне бы, наверное, назвали причину.

Я этого не сделала.

Двадцать второго вечером я сделала другое.

Я села и рассчитала план.

Через две недели у нас каслание — стойбище перекочёвывает, и это большой процесс, и Нядма будет занят. Значит, работать надо сейчас. Через четыре недели вертолёт, и я улечу с таблицей на полторы тысячи единиц и четырьмя пустыми клетками.

Четыре пустые клетки.

Я сидела в палатке при фонаре, смотрела на свою таблицу, и у меня в голове сложилось решение, которое я потом назову самым профессиональным поступком в жизни и за которое мне не будет прощения.

Я решила получить эти слова без спроса.

Способ был простой и даже не новый — так делают многие полевики, и это, строго говоря, нарушение этики, но не такое, за которое выгоняют.

Диктофон можно не выключать.

Люди говорят свободно, когда красный огонёк не горит. Информант, который замолчал на записи, в перерыве, за чаем, расскажет то же самое спокойно и в подробностях. Если прибор лежит в кармане, а не на столе, ты получишь материал, который иначе не получишь никогда.

Я никогда так не делала.

Я ставила себе это в заслугу: десять лет в поле и ни одной скрытой записи.

Двадцать третьего сентября утром я положила в карман куртки второй диктофон, включила его и пошла пить чай.

Глава 4. Туман

23 сентябр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.